

Всесоюзная
Библиотека
№ 1

МУРЗИЛКА

XX 63
11

ДЕТИЗДАТ
ЦК ВЛКСМ
МАРТ 1937

№ 3

СОДЕРЖАНИЕ

Кисличка — сказка Оксанны Иваненко. Перевод с украинского. Рисунки худ М. Михаэлис	1
Гроза джунглей — рассказ Эль-Регистана. Фото А. Шайхет	5
„Богатыри“ — с картины известного художника В. Васнецова	10
История о славном и храбром богатыре Илье Муромце и Соловье-Разбойнике. Записана А. Н. Афанасьевым. Рисунки худ. Ю. Кискачи	11
Колыбельная — стихи Л. Квитко, перевод с еврейского Е. Благиной. Рисунки худ. Н. Ушаковой	14
Воздушный почтальон — очерк Л. Родэ. Фото В. Грюнталь	16
Мурзилкина газета — рассказы и рисунки читателей	18
Знаешь ли ты? — Н. Плавильщиков	20
Загадки, игры, фокусы. М. Гершензон.	
Снежная баба — стихи А. Стобрацкого. Рисунок худ. И. Горяева	
На обложке: Тигр — рисунок худ. В. Ватагина.	
Приложение: „Грачи прилетели“ — с картины худ. А. К. Саврасова.	

Кисличка

Сказка

Оксанна Иваненко

Рисунки М. Михаэлис

наете, ребята, что? Никогда не плачьте. А то раз девочка гуляла с братцем в лесу, поссорилась и горько заплакала. Упала слеза на землю, а там семечко лежало. И такие это были горькие слезы, что выросла из этого семечка горькая, терпкая кисличка. А как туда семечко попало, никто не знает. Может быть, ветер занес, может быть, птица принесла, может быть, сама девочка или ее братец ели яблоко и бросили семечко... Я думаю, что так и было; наверное, братец ел, а сестренка заплакала, что он ей яблока не дал.

Как бы там ни было, а в лесной глуши стала расти дикая кисличка.

Весной ее ветки покрылись легкими зелеными листьями. Кисличка дышала ими, росла и крепла. Летом разрослись кусты терна, широколистый папоротник и колючий шиповник. В лесу стало сыро и темно от густой зелени, и только верхушки деревьев видели голубое небо.

И было там так тихо и глухо, что птицы не боялись вить свои гнезда и петь песни.

Как-то прилетела туда веселая птичка, села на ветку и сказала:

— А я видела точно такое же деревце, как ты, точно такое же. Только на нем растут розовые сладкие яблоки. Я их клевала. Отчего у тебя нет таких яблок?

Кисличка смутилась и сказала:

— Не знаю.

А кругом стояли липы, ясени да клены. Прислушались они, о чем шептала птичка.

— Да, — сказала пахучая липа, — тебе уже пора цвести. Весной ты оденешься цветами, а осенью яблочки вырастут.

— Хорошо, — улыбнулась кисличка, — у меня, наверно, будут яблочки, прилетайте тогда, птицы!

И такая веселая стала она с той минуты: с ветром шепчется, с птицами разговаривает, тянется ветками к ласковой липе!..

Осенью листья опали, но это было не больно и не страшно. Стало холодно; захотелось кисличке спать. Так и дремала она всю зиму под снегом.

Никто так не обрадовался весне, как маленькая кисличка. На ней рас-

цвели такие бело-розовые нежные цветы, что даже пчелы, умные пчелы, удивились, а старый жук изумленно загудел: „Джу-джу-джу!“

Кисличка так берегла свои цветы, что даже на ветер сердилась.

— Лети стороной,—просила она,— не трогай моих цветов!

А когда тучка шла по небу, она и той кричала:

— Тучка, голубонька, не падай градом, не побей моих цветов! Ты разлейся теплым дождем, напои меня.

И вот как-то утром увидели все на ней маленькие яблочки. Кисличка стояла гордая, веселая, приветливая.

Прилетела к ней птичка.

— А,—говорит,—и на тебе уж яблочки! Ну, попробуем!

Клюнула раз, другой — и отвернулась. Яблочки были кислые, горькие. Повертелась птичка на ветках, повертелась, ничего не сказала и полетела прочь. Кисличка удивилась, но тоже ничего не сказала.

С луга домой летели золотые осы. Все знают, как любят осы сладкое,— ни одного цветка, ни одной ягодки не пропускают. Они увидели яблочки на кисличке и попробовали их.

— Ну, на таких не остановишься!— проворчали они и полетели дальше.

Хотела спросить их кисличка, в чем дело, да не решилась. Заплакала кисличка. Хорошо, что полил дождь и никто не заметил ее слез.

А после дождя из-под кустов вылезли грибы. Смешные такие, толстые грибы. Только что на свет родились, а смотрят на всех, будто они всегда тут были. Особенно большой гриб под красной шапкой с белыми крапинками.

Прибежали в лес дети за грибами. Они обшарили все кустики, и каждый из них набрал полное лукошко.

Только большой гриб, с красной шапкой и белыми крапинками, остался. Все его видели, да никто не захотел сорвать.

А та девочка, помнишь, что плакала в лесу, набрала грибов больше всех и все шла дальше и дальше. И вдруг в чаще увидела кисличку.

— У всех будут только грибы, а у меня и яблочки!—закричала она. Потрясла кисличку и схватила одно яблочко. Попробовала и сразу скривилась.

— Ой, какое горькое!—сказала девочка.— Отчего это оно такое?

— Из-за тебя! Из-за тебя! — застучал старый дятел, который работал на ясене. Но девочка, конечно, его не поняла и побежала дальше.

Кисличка совсем загрустила и уже не скрывала своего горя. Она громко жаловалась на свою долю:

— Вот птицы поют — и всем весело, вот цветы распускаются — и всем радостно, а мои яблочки, кто ни попробует, все только кривятся и бросают.

— Пхе! — сказал большой гриб в красной шапке с белыми крапинками. — От меня даже умирают, и то я не плачу!

Правда, это был гриб мухомор, и ни одна мушка не только к нему в гости не прилетала, но даже не здоровалась, когда летела мимо.

— Для чего такой расти, когда от нее никому не сладко? — сказала лесная мышь.

— Правда, для чего мне тогда расти? — прошептала кисличка и протянула вверх ветви.

— Тучи, — заплакала она, — побейте меня градом! Солнце, сожги меня! Ветер, сломай меня! Для чего мне расти такой горькой, что даже воробьи не летят ко мне, даже гусеница не ест моих листьев? Неужели я навеки останусь такой?

— Надо бы сказать про тебя деду, который живет в голубой хатке, — промолвил дятел, отыскивая в коре червяков. — Он все может. Только мне нельзя бросить работу. Он поручил мне почистить деревья.

— Правда, скорее нужно сказать деду, — заговорила липа. — Он давно-давно тут живет. Он был с длинной бородой, когда я впервые выглянула из земли, а теперь его борода достает до земляники в траве. Он все знает, но я не могу дотянуться к нему своими ветвями, чтобы сказать.

— Он мой приятель! — засмеялся ветер. — Я сорву листья с кислички и отнесу ему.

Ветер подхватил зеленый лист и понесся с ним так быстро, что сразу все деревья повернулись в его сторону.

— Ш-ш-ш! Я спешу! Не мешайте! — шумел ветер по дороге. Он всегда любил пошуметь — кстати и некстати.

Голубая хатка стояла на опушке леса. Там жил старый-престарый дед, который смотрел за лесом и маленьким садиком около своей хатки. Он так хорошо знал всех в лесу, что мог со всеми разговаривать. Вот и сейчас сидел он на завалинке и разговаривал: с пчелами по-пчелиному, с муравьями по-муравьиному, с жуками по-жучиному. И все рассказывали ему, как они провели свой день, как они все довольны и счастливы.

— Нет, нет, дедушка! — внезапно подул ветер. — Не все довольны, не все счастливы! Я принес тебе лист от кислички...

И ветер рассказал, как выросла в лесу кисличка, какие у нее горькие яблочки и как теперь из-за этих яблочек кисличка плачет. Задумался добрый дед.

— Хорошо, — сказал он. — Я что-нибудь придумаю.

И ветер полетел успокоить кисличку.

Ходил дед по лесу, ходил и думал, что ему сделать с кисличкой. Спрашивал он у всех птиц, где растут сладкие яблоки. Но они росли далеко, не дойти туда старому. Так и лето миновало. Поползли к деду разные букашки прощаться на зиму. Птицы, улетаая, останавливались над хаткой, чтобы поговорить с ним на прощанье.

Дед просил каждую птицу:

— Принеси мне из теплых стран веточку заморской яблони.

И птицы кивали головками и обещали. Последним пролетал седой журавль, которому было уже много лет. Он летел, а два внука, два веселых журавля с молодыми, сильными крыльями, поддерживали его.

— А, старик! — закричал дедушка из хатки. — И ты летишь? Сидел бы со мной на печи, было бы тебе и тут жарко.

— Нет, — усмехнулся старый журавль. — Я слышал, о чем ты просил молодых, но только я один знаю са-

мое лучшее на свете волшебное дерево в солнечной стране. Я сам принесу тебе его ветку.

Улетели птицы. Стало холодно. Теперь кисличка мало чем отличалась от других деревьев. Все они стояли без листьев, но даже червяки, проползая мимо нее, говорили:

— А, это та горькая кислица!

И она шептала:

— Хоть бы мне замерзнуть!

Услышал это дед, который проверял в лесу, как устроились все на зиму.

— Я возьму тебя к себе,— сказал он.— У меня тебе будет тепло и хорошо.

Он выкопал ее с корнями, перенес в свой сад, посадил в мягкую землю, укрыл ее ствол снизу и сказал тихо:

— Спи, кисличка! Будет и тебе хорошо.

И кисличка заснула.

А весной прилетели птицы.

— Здравствуй, дедушка! — закричала первая.

— Добрый день, маленькая! — закивал головой дед.— А веточку принесла?

— Ой, дедушка! Я так спешила! Забыла, не сердись на меня!

— Добрый день, дедушка! — закричала вторая.

— Здравствуй, маленькая! — ответил дед.— А веточку принесла?

— Ой, дедушка! Я искала, искала такую ветку и не нашла, не сердись на меня!

— Привет, дедушка! — закричала третья.

— Привет, маленькая! — закивал головой дед.— А веточку принесла?

— Ой, дедушка! Я несла веточку, да подул ветер на море, и я выронила ее. Не сердись на меня!

И так пролетело много птиц, но ни одна не принесла деду ветки.

Вдруг он увидел — два молодых журавля несут в своих клювах по ветке. И хотя увидел дед ветки, не стало ему весело.

— А где же ваш дед? Отчего вы не донесли его ко мне? — спросил он печально.

— Он летел уже назад,— сказали птицы.— Он сам хотел отдать тебе ветки, но на море поднялась страшная буря, и он совсем обессилел. Мы все-таки донесли его до острова и положили на высокой скале, где стоял маяк. Тот маяк и нам, перелетным птицам, показывает путь.

— А эти веточки он передал тебе. Ох, как тяжело было их нести! — сказал старший брат.

— Я принес тебе веточку самого сладкого дерева для кислички, а мой брат — веточку золотого цветка для твоего сада.

— Нет, — сказал младший брат, — ты перепутал: это я несусь ветку самого сладкого дерева, а ты — золотого цветка.

— Что ты! — возразил старший.— Ты все перепутал.

Они долго спорили, и в конце концов ни дед, ни птицы не знали, где ветка самого сладкого дерева, а где ветка золотого цветка.

Дед сел на завалинку и загрустил.

— Что ты грустишь, дедушка? — вдруг услышал он кисличку.— Неужели никто ничего не принес для меня?

Старик улыбнулся ей. Он решил лучше обмануть кисличку — все равно она теперь засохнет.

— Нет, кисличка, птицы принесли веточку самого сладкого дерева, — ответил он.

Кисличка даже не застонала, и только ветви ее чуть задрожали, когда дедушка острым ножом разрезал ей ствол и вложил туда две веточки.

„Бедная кисличка! — подумал он.— Что теперь с ней будет?“

Прошел еще год. К дедушке в сад прибежала девочка. Та самая, что плакала в лесу. Прибежала и остановилась. Против хатки что-то ярко блестело на солнце.

На стройном дереве висели золотые яблоки. Над ними кружились осы, бабочки и веселые птицы.

— Ах, какая яблонька! — прошептала девочка.— Наверное, она родилась, когда все смеялись!

Перевод с украинского.

1

Отец Керима — горный таджик, по имени Рахим — переселился в камыши давно-давно, когда Керима еще не было на свете. Бедняк бросил лачугу в маленьком горном кишлаке¹ и перебрался на берега реки Пянджа. Здесь, в непроходимых джунглях², он слепил из глины и камыша свою жалкую хижину. Отец Керима сам мастерила капканы, ставил их на звериных тропах, ловил лис, диких кошек, волков, дикобразов. У дикобраза под лесом длинных и острых игл очень вкусное мясо. Это было лакомое блюдо для маленького Керима.

Старый Рахим не знал, что такое деньги. Шкуру или мясо убитого зверя он

носил на базар и менял их на муку, свинец и порох.

Кериму было семь лет, когда однажды, вернувшись с базара, старик Рахим приволок громадный железный капкан. Его выковал кузнец по особому заказу. За него пришлось отдать пять лисьих шкур и два пуда оленьего мяса. А за толстую длинную цепь — отдельно шкуру барса, дикую кошку и две волчьих шкуры. Целое состояние для охотника!

— Ну, сынок, теперь попробуем ловить джувльбарса! — сказал ему весело отец.

Джувльбарс — по-таджикски тигр. Кериму было всего только семь лет, но он прекрасно знал всех зверей, населяющих

Г Р О З А Д Ж У Н Г Л Е Й

Эль-Регистан
Фото А. Шайхет

¹ Кишлак — деревня.

² Джунгли — заросли.

ворвался в хижину большой солнечный зайчик, старик-охотник осторожно приблизил к дыре ствол ружья.

— Дай я! Дай я! — взволнованно шептал Керим.

Он даже ущипнул отца за локоть. Но Рахим строго приподнял брови, и сын отошел. Спокойно выследив зверя, старик-охотник выстрелил. Тигрица взревела от боли. Но, видимо раненная, она ушла, скрываясь в камышах.

Керим до сих пор не забыл того, что случилось через сутки. Страшный рев разбудил его ночью в хижине. Он прижался от страха к матери. А старик Рахим дрожащими руками ощупывал глиняный пол хижины. Страшный зверь оглашал могучим гневным ревом ночную тишину. Рахиму казалось, что стены хижины рухнут от этого рева. Одевшись, отец забивал большую свинцовую пулю в ствол своего старинного шомпольного ружья. Он ушел, несмотря на уговоры жены и плач сына.

На пороге он даже пошутил, обернувшись к сыну:

— Хочешь — пойдем вместе, Керим? Ты будешь держать за хвост джувльбарса, пока я ему всажу в лоб пулю.

Маленький Керим уже не надеялся на возвращение отца. Всю ночь ни он, ни мать не сомкнули глаз. И вдруг перед самым рассветом громовым эхом прогрехотал по камышам выстрел. Вслед за этим раздался рев, и наступила тишина.

Солнце карабкалось на краешек неба, когда вернулся отец. Он шел веселый, мурлыча под нос песенку. С его плеча свисала желто-коричневая, покрытая яркими черными полосами, громадная шкура тигра.

— Так вот он какой, джувльбарс! — взвизгнул Керим и подпрыгнул от восторга.

После первой шкуры тигра отец принес вторую, третью, пятую...

2

С тех пор прошло много лет. Давно уже умер старик Рахим. Много лет бро-

джунгли Пянджа. Он несколько раз слышал рев тигра. Нередко, бродя вокруг хижины, Керим находил свежие его следы. В особенности их было много на речной отмели. Сюда тигры приходили пить воду. И Керим видел здесь отпечатки тигровой лапы. Они были много больше его головы.

Бродя по непроходимым зарослям, старик Рахим однажды убил в джунглях тигренка. Тигрица по следу пришла к хижине. Она залегла в нескольких шагах от жилища ненавистного охотника, похитившего ее детеныша. Первым заметил тигрицу Керим. Это было на рассвете. Не растерявшись, он захлопнул дверь на одну секунду раньше прыжка тигрицы.

Керим помог отцу проделать небольшую дыру в тонкой глиняной стене. Они старались не шуметь. И когда через дыру

дит по джунглям Пянджа мой приятель Керим. И нет на юге Таджикистана более знаменитого тигролова, чем он. Сожженная палящими лучами солнца, кожа на его лице стала почти коричневой. Черные глаза его всегда смеются. Всякий раз, когда мы вместе с Керимом ходили стрелять фазанов, я поражался его ловкости и выносливости, меткости глаза и неутомимости в ходьбе.

Керим был отважен и хладнокровен, пользовался большим уважением и в окрестных колхозах, и среди бойцов и командиров пограничных застав. Все его любили за честность и веселый характер.

В это утро Керим шел на заставу и думал:

„Наверное, из-за него меня вызвал Соколов“

Начальник заставы лейтенант Соколов дружил с охотником-таджиком. Керим застал его на балконе. Молодой лейтенант кончал бриться. Он брился каждое утро и этим удивлял Керима.

— Здорово, дружок, — сказал он, сжимая руку следопыта. — Ну, как?

— Ходит по афганской земле. Не хочет идти на советскую, — произнес Керим улыбаясь.

— Значит, опять ничего? — произнес лейтенант, вытирая лицо мохнатым полотенцем. — Что же ты, дружок, так подкачал? Семнадцать штук ухлопал, а этого не можешь? Стареешь, дружок, стареешь, — шутил Соколов.

Керим улыбался, обнажая белые и ровные зубы.

— Разреши, товарищ начальник, пойдем на один ночь туда, — сказал он вдруг просительно.

— Ты что, дружок? Разве можно? Ведь это ж государственная граница. Разве можно ее нарушать? — ответил лейтенант.

— А ему можно? — хитро подмигнул Керим, и оба они весело рассмеялись.

Разговор шел о тигре. Зверь кружился вокруг заставы и уносил в джунгли колхозных коней и коров. На днях он не побоялся напасть на большой верблюжий караван. Тигр выскочил неожиданно. Мелькнув, как рыжая молния, он бросился на одного из верблюдов. Ударом могучей лапы сбил, как муху, со спины верблюда

старика, вожатого каравана, и исчез так же быстро, как появился. Вместе с тигром исчез лучший верблюд. И только наутро Керим обнаружил его обглоданные кости в полукилометре от места нападения.

Это был зверь огромной силы, коварный и осторожный. Этот наглец осмелился внезапным прыжком ночью вырвать из-под носа двух бойцов прекрасную сторожевую собаку. Ее нашли с разорванной грудью. Тигр выпил ее кровь, не тронув мяса.

Вот о каком тигре шел разговор у лейтенанта Соколова в это утро. Проклятый хищник после каждого дерзкого нападения спокойно переплывал реку и исчезал на том берегу. Там был Афганистан, где он не боялся встретить меткого снайпера пограничника. Там были такие же густые заросли камыша на десятки, сотни километров.

— Значит, нельзя на ту сторону? — вздохнул печально Керим. — Жаль!

Он поднял к окну глаза, и вдруг они загорелись радостным блеском. Перед окном стоял, греясь на солнце, ишак¹. Он был невероятно стар и почти слеп. Ишак приблудился с месяц назад к заставе. Пограничники объявили по всем колхозам о находке. Никто не отзывался. Никто не хотел признавать себя хозяином старого, слепого, не годного к работе ишака.

— Давай его поймем! — воскликнул взволнованный Керим.

— Кого поймем, ишака? — спросил лейтенант, не понимая, почему так взволновал его друга-тигролова старый слепой ишак.

Через полчаса жители Пархара увидели странную картину: Керим шел по направлению к джунглям, таща за собой старого и упрямого ишака.

3

Стояла душная ночь. Луна, робко выглянув из-за тяжелых облаков, пропала бесследно. В мутной темени тянулись джунгли на много десятков километров. Высокий камыш, опутанный ползучими растениями, был непроходим. В самой чаще зарослей извивались звериные ходы и тропы. Их мог найти только опытный следопыт.

Керим лежал на тропе, свернувшись в комок, как еж. Притаившись, Керим ждал.

Повеяло прохладой, чуть дрогнули кисточки камыша.

„Вот чортов ветер! — подумал Керим. — Прямо от меня!..“

Керим знал, что этот вздох ветра подхватил запахи его тела и понес их по джунглям. Тигр уже не придет: он не может не почуять запаха человека.

Уже серело небо, когда Керим ушел, ведя за собой упрямого ишака. Он выбрал тенистое место и проспал там целый день, не возвращаясь в Пархар. Едва наступил вечер, он опять вернулся на звериные тропы.

Керим лежал неподвижно. Была ночь, и всякому показалось бы, что джунгли спят. Но зверолов знал, что удушливым летом жизнь в джунглях просыпается ночью, когда люди спят.

Вот пискнули полевые мыши. Далеко-далеко тоненьким фальцетом застрекотали лягушки. Совсем рядом захлопал крыльями сонный фазан. Порыв ветра донес издали глухой рокот воды. Зловеще закричала сова и умолкла.

„На том берегу кричит, в Афганистане, — сразу определил Керим. — Наверное, он там ходит где-нибудь в джунглях“, подумал зверолов и бесшумно вытянул онемевшую ногу.

А ночь продолжала бродить по джунглям, полная шорохов и приглушенных голосов.

Над головой Керима, склонившись друг к другу, шептались пушистые кисточки камышей. У ног его черный жук толкал впереди себя катышек навоза. Такой небольшой жук, а как хруснул веткой...

Керим чувствовал, что утро близко. Он лежал, и вслушивался, и следил за неслышным передвижением зверя по камышам. Вот прошел по тропе кабан — топот его копытцев можно услышать за целый километр. Вот где-то хрюкнул дикий поросенок.

Громовый рев прервал его мысли. Он раздался так неожиданно, что Керим даже вздрогнул.

Старый ишак страшно заорал, и вдруг наступило молчание.

На крик ишака джунгли отозвались страшным ревом. Рев походил на мяуканье огромной кошки, усиленное в тысячу, десять тысяч раз. Раскаты этого рева прокатились по джунглям, и все живое испуганно замерло. В страхе затрепетали даже камыши.

„Идет!“ мелькнуло в голове Керима.

Керим не услышал ни шороха, ни хруста. Могучий силуэт тигра возник в темноте, в двадцати метрах от него, внезапно. Зверь, пригнувшись, метнул свое сильное тело в воздухе к слепому ишаку. Раздался глухой звук, лязг железа и рев. Новый дикий рев огласил затихшие в страхе джунгли.

Камыши затрещали так, будто бы их охватило пламя.

— Врешь — не уйдешь! — радостно произнес Керим и дал сигнальный выстрел.

Ровно за два часа до рассвета лейтенант Соколов был разбужен телефонным звонком. Звонили с дальнего поста на самой границе.

— Хорошо, хорошо, — произнес лейтенант, заканчивая разговор. — Передайте Кериму: пусть меня обязательно дождет. Сейчас выеду.

— Есть! — послышалось в трубке.

Лейтенант Соколов со своими бойцами рысью выехал из ворот заставы. Круто свернув влево, всадники направили коней в сторону границы. Скоро широкая дорожка уступила место тропе, прорубленной в стене высокого камыша. Здесь можно было ехать только гуськом.

Лейтенант пробирался по звериным тропам, известным лишь пограничникам и следопыту Кериму. Вдруг где-то в камышах, совсем близко, раздался рев тигра. Лошади, остановившись, затряслись от страха. Сильный треск ломающихся камышей, глухие удары, лязг металла сопровождали этот гневный рев. Тигр умолк на секунду, чтобы вновь зареветь с еще большей силой.

Луна неподвижно свисала со звездного неба. Она освещала площадку в джунглях, по которой метался громадный хищник. Лязгала цепь, прикованная к капкану старика Рахима. Трещал камыш. На краю площадки, которую выбил своим телом тигр, спокойно сидел на корточках Керим. Справа и слева от него расположились

полукругом человек десять его друзей, таджиков-колхозников. Условный выстрел разбудил их ночью, и они сбежались полюбоваться на полосатого хищника, владыку джунглей.

Это был великолепный экземпляр тигра, восемнадцатый тигр знаменитого охотника Керима. Держа в руках ружье, Керим ни на секунду не спускал глаз с яростно мечущегося зверя.

Огромная лапа была крепко зажата железным капканом. Неподалеку серел залитый бледным лунным светом труп старого ишака.

— Скорей, Соколов! — крикнул Керим, увидев лейтенанта. — Скорей иди посмотреть на моего гостя из Афганистана! Скорей! А то я его сейчас стрелять буду. Довольно ему собак убивать, лошадь воровать, верблюдов таскать, за границу гулять!

Колхозники несли жерди, готовясь тащить труп хищника в кишлак. Они знали, что рука Керима не дрогнет, глаз не ошибется.

*„Богатыри“. С картины известного
художника В. Васнецова.*

*Государственная
Третьяковская галерея.*

История о славном и храбром богатыре Илье Муромце и Соловье Разбойнике

Это пересказ былины про сказочных русских богатырей: Илью Муромца, Добрыню Никитича и Алешу Поповича, которые жили, по преданию, больше тысячи лет тому назад. Они были сказочной силы и храбрости. Народные поэты и сказители сложили о них в старину десятки песен — былин. Эти былины сказывают и в наше время и любят их в народе потому, что богатыри в сказке защищают свой народ и родную страну от разбойников и врагов. Эта история написана старинным русским языком,

В славном городе Муроме, в селе Карачарове, жил крестьянин Иван Тимофеевич. У него было любимое детище: Илья Муромец; сидел он сиднем тридцать лет, и как минуло тридцать лет, стал он ходить на ногах крепко, и ощутил в себе силу великую, и сделал себе сбрую ратную и копье булатное, и оседлал коня доброго, богатырского. Приходит к отцу и матери и стал у них просить благословения:

— Государи мои, батюшка и матушка! Отпустите меня в славный город Киев, богу помолиться и князю киевскому поклониться.

Отец и мать его дают ему благословение и говорят такие речи:

— Поезжай ты прямо на Киев-град, прямо на Чернигов-град и на пути своем не делай никакой обиды, не проливай напрасно крови христианской.

Илья Муромец принял у отца и матери благословение, с отцом и с матерью прощается, и поехал в путь свой.

И так далеко заехал он в темны леса, что наехал на таборы разбойничьи; и те разбойники увидели Илью Муромца, и разгорелись у них сердца раз-

бойнические на коня богатырского, и стали они между себя разговаривать, чтобы лошадь отнять, что такой лошади ни в которых местах не видывали, а ныне едет на таком добром коне незнамо какой человек. И стали на Илью Муромца напущать человек по десяти и по двадцати. Останавливает Илья Муромец коня своего богатырского и вынимает из колчана калёну стрелу и накладывает ее на тугой лук. Пустил он калёну стрелу по-над землю, калёна стрела стала рвать на косую сажень. И, видя то, разбойники испугались, пали на колени и стали говорить:

— Государь ты наш батюшка, удал добрый молодец! Виноваты мы перед тобою, и за такую вину нашу бери казны, сколько надобно, и платья цветного, и табуны лошадей, сколько угодно.

Илья, усмехнувшись, сказал:

— Некуды мне казны девать! А если хотите живы быть, так вперед не отважьтесь!

И поехал в путь свой, к славному граду Киеву.

Илья Муромец поехал ко граду Киеву прямою дорогою от Чернигова, кото-

рую заложил Соловей Разбойник ровно тридцать лет. Не пропускал он ни конного, ни пешего, а убивал не ружьем, но своим свистом разбойничьим.

Выехал Илья Муромец в чистое поле и увидел порыски¹ богатырские, и по ним поехал, и приехал на те леса Брянские, на те грязи топучие, на те мосты калиновы, к той реке Смородинке. Соловей Разбойник слышал себе кончину и бесчестие великое и, не допуская Ильи Муромца за двадцать верст, засвистал своим свистом разбойничьим крепко. Но богатырское сердце не устрашилось. И, не допуская еще за десять верст, засвистал он громче того, и с того свисту под Ильєю Муромцем конь спотыкнулся. Приехал Илья-Муромец под самое гнездо, которое свито на двенадцати дубах, и Соловей Разбойник, на гнезде сидя, увидел святорусского богатыря, и засвистал во весь свист, и хотел Илью убить до смерти.

Илья Муромец снимает с себя тугой лук, накладывает калёну стрелу и пускает на то гнездо Соловьиное, и попал ему в правый глаз, и вышиб вон. Соловей Разбойник свалился с гнезда, что овсяной сноп. Илья Муромец берет Соловья Разбойника, привязал его крепко к стремени булатному и поехал к славному граду Киеву. На пути стоят

палаты Соловья Разбойника. Как поровнялся Илья Муромец против палат разбойнических, у которых окна были растворены, — увидела его меньшая дочь и закричала своим сестрам:

— Вон наш батюшка едет с добычею и везет к нам мужика, привязанного у стремени булатного.

А большая дочь посмотрела и горько заплакала:

— Это не батюшка наш едет; это едет незнамо какой человек и везет нашего батюшку.

И закричали они мужьям своим:

— Мужья наши милые! Поезжайте к мужику навстречу и отбейте у него нашего батюшку, не оставьте наш род в таком позоре.

Мужья их, сильные богатыри, поехали против святорусского богатыря; кони у них добрые, копыта острые, и хотят они Илью на копьях поднять. И увидел Соловей Разбойник и стал говорить:

— Зятья мои милые! Не позорьтесь вы и не дразните такого сильного богатыря, чтобы всем вам не принять от него смерти. Лучше с покорностью попросите его в дом мой, выпить чарку зелена вина.

По просьбе зятей поворотил Илья в дом, не ведая их злобы.

¹ Порыски — следы.

Большая дочь подняла железную на цепях подворотню, чтоб пришибить его. Но Илья усмотрел ее на воротах, ударил копием и ушиб до смерти.

И как приехал Илья Муромец в Киевград, въезжает прямо на княжецкий двор и входит в палаты белокаменные. Князь киевский спрашивает:

— Скажи, добрый молодец, как тебя зовут и из которого города ты уроженец?

Ответ держит Илья Муромец:

— Меня, государь, зовут Ильюшкою, а по отчеству Иванов, уроженец города Муром, села Карачарова.

Князь спрашивает:

— Которою дорогою ездил ты из Муром?

— На Черниговград, и под Черниговом побил войска басурманские, что и сметы-числа им нет, и очистил Черниговград; и оттуда поехал прямою дорогою, и взял сильного богатыря-разбойника Соловья, и привел его с собою у стремени булатного.

Князь, осердясь, сказал:

— Что ты меня обманываешь?

Как услышали это богатыри Алеша Попович и Добрыня Никитич, они бросились смотреть и, увидев, князя уверили, что справедливо так. И приказал князь поднести чару вина доброму молодцу.

Захотелось князю разбойнического свисту послушать. Илья князя со княгинею обернул в шубы собольи, призвал Соловья и приказал вполсвиста засвистать соловьем. А Соловей Разбойник засвистал во весь разбойничий свист и оглушил богатырей так, что они упали на пол. И за то убил его Илья Муромец.

Илья Муромец назвался с Добрынею Никитичем братьями. И оседлали они своих добрых коней, и поехали в чистые поля гулять, и ездили ровно три месяца; не нашли себе супротивников. Только наехали в чистом поле — идет калечище¹ прохожий; гуня² на нем в пятьдесят пуд, шляпа в девять пуд, костыль в десять сажон. Илья Муромец

стал на него коня напущать и хочет отведать с ним свои силы богатырские. И увидел калечище прохожий Илью Муромца и говорит:

— Ой ты еси, Илья Муромец! Помнишь ли, мы с тобой в одной школе грамоте учились, а ныне ты на меня, калику, напускаешь коня, как на некоего неприятеля, а того ты не ведаешь, что во славном городе Киеве великая невзгода учинилась: приехал неверный сильный богатырь Идолище нечестивый — голова у него с пивной котел, а в плечах сажень, промеж бровьми пядь, промеж ушей калёна стрела, а ест он по быку, а пьет он по котлу; и князь киевский очень о тебе соболезнает, что ты его в эдакой печали оставил.

Нарядясь в калечищино платье, едет Илья Муромец прямо на княжецкий двор, и закричал богатырским голосом:

— Ой еси ты, князь киевский! Пошли ты мне, калечищу прохожему, милостыню.

И увидел его князь и говорит:

— Поди ко мне в палаты, калечище! Я тебя накормлю, напою и золотой казны на дорогу дам.

И вошел калечище в палаты и стал у печи — поглядывает. Идолище просит есть. Принесли ему быка целого жареного, а он его и с костями съел. Идолище просит пить. Принесли котел пива, а несли двадцать человек, и он взял его за уши и выпил весь. Илья Муромец говорит:

— Была у моего батюшки кобыла обжорлива, обожралась и издохла!

Идолище не утерпел и говорит:

— Ой еси ты, калечище прохожий! Что ты меня замаешь? Мне тебя нечего и в руки взять! Не то, что ты, — каков был у вас Илья Муромец, я бы и с тем стычку дал.

— Да вот, каков он! — сказал Илья Муромец, и схватил с себя шляпу, и ударил его в голову тихонько — только прошиб стену палат, и — взял туловище идолищино — туда жвыкинул. И за то князь Илью Муромца почтил великими похвалами и причел в сильные, могучие богатыри.

¹ Калечище, калика — нищий.

² Гуня — рваная одежда.

Колыбельная

Но только я в чащу лесную вошел,
И дерево выбрал, и ствол расколол,
Как заяц присел у замшелого пня,
Ушами повел, закричал на меня:
— Что губишь мой лес, уходи-ка!
Не видишь — я здешний владыка!
— А ну-ка, зайчишка-трусиска, вставай!
А ну-ка, попробуем силы давай!
...Тут зайчик прижал свои ушки
И ну удирать по опушке.

Я снова склонился к зеленой сосне.
Вдруг, вижу, лисица подходит ко мне.
— Ты нежный, — сказала, — ты гладкий!
Ты вкусный, — сказала, — ты сладкий!
— А ну-ка, лисичка-сестричка, вставай!
А ну-ка, попробуем силы давай!
...Лисичка свой хвостик поджала
И в лес поскорей убежала.

Опять я склонился к зеленой сосне.
Вдруг серые волки подкрались ко мне;
Раскрыли клыкастые пасти —
Вот-вот растерзают на части!
Не мог шелохнуться от ужаса я...
Мамочка, мама, голубка моя!..

Но Сталин узнал, что в лесу я стою,
Разведаль, услышал про гибель мою.
И танк высылает за мною,
И мчусь я дорогой лесною.

Ты, дорогая, не спи, погоди!
Самое страшное — все впереди...

*Л. Квитко
Рисунки Н. Ушаковой*

Спи, моя мама, баюшки-бай,
Спи, засыпай, спи, засыпай...
Тебе расскажу я немало чудес,
Как сын твой однажды отправился в лес,
Отправился в лес, чтоб сосну повалить,
И выдолбить лодку, и в море уплыть,
Сразиться с акулою злою,
За рыбкой нырнуть золотою.

Вдруг, вижу, вода закипает, кипит,
И трется о лодку громадина-кит
И рывкает: — Скучно мне что-то!
С тобой побороться охота!
— А ну-ка, китина-детина, вставай!
А ну-ка, попробуем силы давай!
Но кит повернулся спиною
...И тоже пропал под волною.

А ветер крепчает, а волны встают,
И лодку качают, и плыть не дают,
И молнии на небе блещут,
И брызги соленые хлещут.
И падаю в бездну холодную я...
Мамочка, мама, голубка моя!..

Но Сталин услышал, что плыть мне невмочь,
Что буря меня окружает и ночь,
И выслал за мною в ночной океан
Веселую птицу — большой гидроплан.
И снизилась птица со мною
Перед кремлевской стеною...

Мамочка, мама, голубка моя!
Настежь открылись ворота Кремля.
Кто-то выходит из этих ворот,
Кто-то меня осторожно берет,
И поднимает, как папа, меня,
И обнимает, как папа, меня.
И сразу мне весело стало.

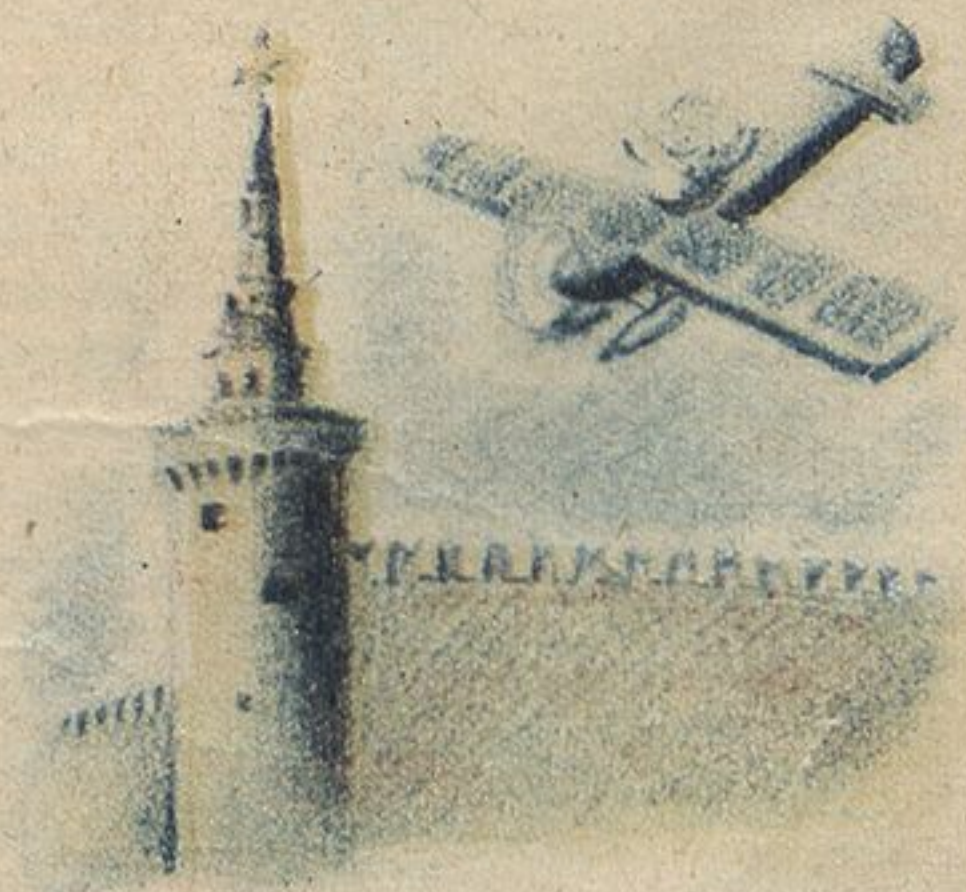
А кто это был?
Угадала?

Перевод с еврейского Е. Благиной.

Тебе расскажу я, как в лодке один
По океану плавал твой сын,
Как плавал и как опускался на дно,
Чтоб видеть, покрыто ль цветами оно,
Чтоб рыбку поймать золотую,
Акулу увидеть живую.

Но только рассек я морскую волну
И рыбку поймал золотую одну,
Как выскочил рак и задвигал клешней
И стал разговаривать дерзко со мной:
— Прощайся-ка с жизнью, дружище!
Ты мне подходящая пища.
— А ну-ка, ты, рак, ты дурак, ты вставай!
А ну-ка, попробуем силы давай!

Тут рак отмахнулся клешнею
И скрылся за синей волною.

Новые жильцы.

Хохлику надевают кольцо.

Голубевод кормит Хохлика.

Голубиная станция.

Воздушный

Очерк Л. Родэ

Тихо в голубином домике, на голубиной станции. Пахнет сеном и свежим деревом, теплым от весеннего солнца. Скоро в домике вылупятся новые жильцы. Два голых, слепых птенца, два почталыона.

Первые дни родители, почтовые голуби, кормят своих младенцев кашкой, прямо из зоба.

Одного из них назвали Хохликом, это он то и дело с писком разевает клюв.

Как-то утром мать чистила носом Хохлику перышки. Над Хохликом опустился страшный предмет, похожий на щупальцы. Напрасно взволнованные родители протестовали, били крыльями, клевались — голубевод унес Хохлика. На одну лапку он осторожно надел испуганному, барахтающемуся птенцу розовое кольцо с номером и годом рождения, на другую — кольцо с адресом питомника.

А еще через несколько дней, когда голубята, уже с паспортами на ногах, покрылись перьями, их номера записали в специальных карточках. Теперь Хохлик может получать завтрак, обед и ужин, как полноправный голубь. Голубевод проверит, хорошо ли ест будущий связист.

Вместе с товарищами Хохлик гулял и грелся на солнышке в голубином дворе — выгуле. Хорошо! Стрелой летит на посвистывание, — это его зовут поклевать корм прямо с ладони голубевода.

Вскоре молодяк стал вылетать в свет, на крышу. Хохлик в дружной стайке все смелее и охотнее кружил высоко над голубятней. Заслышав знакомый свист голубевода, скользил он вниз и, взмахивая крыльями, первым садился на крышу голубятни.

Во время учебных полетов — гона — Хохлик никогда не садился на землю, на деревья или на чужую крышу. Это был настоящий почтовый голубь — с широкой грудью, гладким блестящим оперением, бельгийской породы. Вокруг ярких глаз розовели мясистые, с красноватыми жилками, кольца. Мягкий серый нарост выдавался над клювом.

ПОЧТАЛЫОН

Фото В. Грюнталь

Хохлик становился все увереннее и сильнее. Будущих почтарей приучали к местности. В особых корзинах отвозили их для тренировки все дальше от голубятни. Покружившись над местом выпуска, Хохлик безошибочно выбирал направление к родному дому. Так прокладывалась невидимая голубиная дорога, линия голубиной связи с рыбацким колхозом. Уже рыбаки, приезжавшие на станцию, забирали с собой воркующих почтальонов. И Хохлик с донесением в портдепешнике — почтовой алюминиевой сумке на ноге — мчался к дому с обычной скоростью: пятьдесят километров пути в двадцать пять минут.

Однажды голубевод с грустью расстался с Хохликом. Он жалел своего лучшего питомца. Рыбаки, захватив голубня, уйдут в море, на лов. В первый раз летучий связист отправился так далеко, за восемьдесят километров, по незнакомой дороге.

Найдет ли он путь обратно? Этот вопрос неотступно стоял перед каждым рыбаком на судне. Катер потерпел аварию. Стал мотор.

Ветер вот-вот погонит беспомощное судно с людьми в открытое море. Если буря, если упадет туман...

В голубеграмме было коротко: „Стоим. Вышлите помощь. Сигналим — три протяжных свиста“.

Хохлик взвился, описывая круги над судном. Выше! Выше! Свергнули белые крылья.

Хохлик мчался, повинувшись врожденному чувству направления. Домой! К родительской голубятне! Вот внизу мелькнула земля, рыбацкий поселок... Дальше! Дальше! Хохлик рвался к любимому дому. Вот уже виднеется знакомая крыша.

Через несколько секунд голубок очутился в руках своего друга — голубевода.

Хохлик во-время доставил известие.

Почтовые голуби как средство связи могут быть использованы не только в мирное время — в колхозах, совхозах, на рыбных промыслах, на речном транспорте, но и в боевой обстановке.

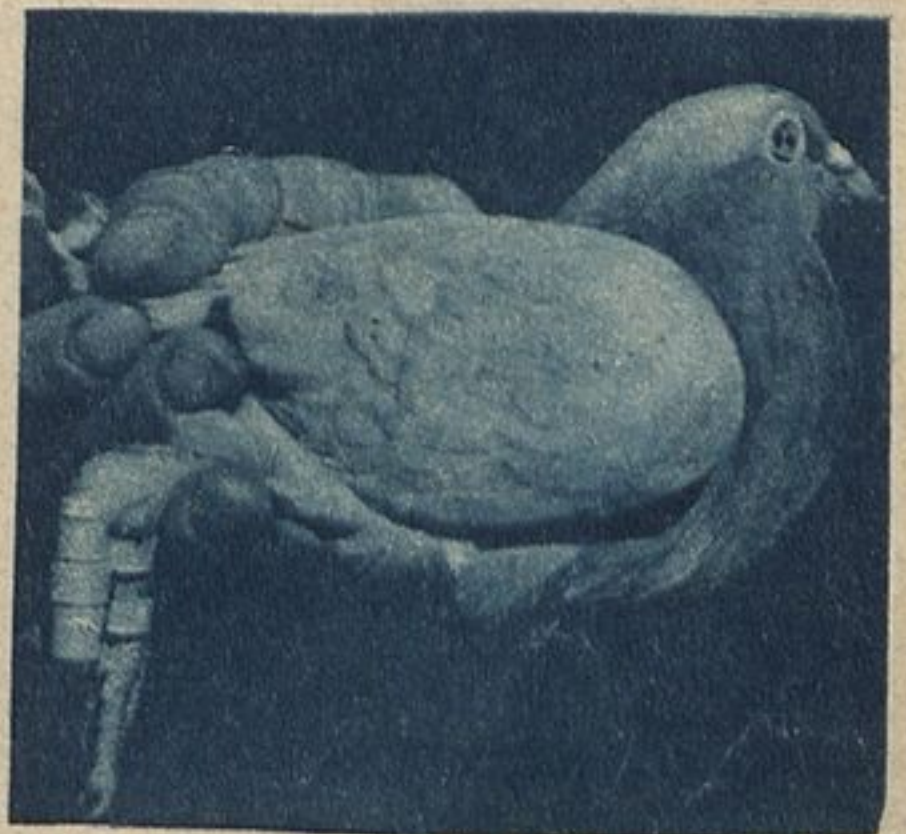
Хохлик — настоящий почтовый голубь.

В этой корзине отвезут Хохлика к месту выпуска.

Голубевод прощается с Хохликом.

Хохлик во-время доставил известие.

ПРО СЕРГО

Ты умер, Серго, но живет твоя слава.
Ты умер, Серго, на посту своем славном.
Ты смело боролся и шел напрямик,
Как Ленин и Сталин, ты был большевик.
Но смерть подошла к тебе незаметно,
И умер ты, лучший наш друг,
Но слава твоя будет вечно и вечно
Песней носиться вокруг.

*Муся Тульчинский, 8 лет,
г. Киев.*

*Республиканские истребители и бомбовоз
сбили фашистский самолет „Гейнкель“.
Рисовал Игорь Шмелев, г. Выкса.*

НАШ ЛИСЕНОК

Папа вернулся из колхоза ночью. Я проснулся и услышал разговор папы и мамы о волчонке.

Папа поймал его в поле, на дороге. Мне хотелось посмотреть зверька, но я боялся. Утром я проснулся первым и побежал в столовую. Волчонок забился в угол и рычал. Он был совсем маленький; вместо шерсти на нем был мягкий желтый пушок. Я приманил его молочком. Он пил хорошо.

Вечером пришел наш дядя. Тут-то и оказалось, что папа поймал не волчонка, а лисенка. Мы, ребята, полюбили лисенка, он тоже привык к нам. В клетке он жить не захотел и так сильно царапал решетку, что обе передние лапки были у него в крови. Аля пожалела его, и мы перенесли лисенка в чулан. Вскоре стали выпускать его в сад, сначала на веревочке, а потом он так привык, что сам стал бегать по двору и к вечеру сам возвращался в чулан.

Как-то днем долго не было лисенка. Мы стали его искать и нашли возле забора чуть живым. Мальчишки ушибли его камнем. Мы перенесли на террасу, облили холодной водой, а когда он открыл глаза, положили осторожно на матрасик, под солнышко. А мой меньшей брат, Сережа, все свои конфеты отдал ему, — так было жалко лисенка.

Скоро наш лисенок стал опять хорошо бегать. Иногда он даже ночевал в саду.

Однажды в кухню внесли пристреленного кролика. Лисенок бросился к нему, схватил кролика за ухо и хотел убежать с ним под печку. Сережа стал отнимать кролика, и за это лисенок сильно прокусил Сереже руку. На крик выбежал дядя Саша, и кролика отняли. Но это бывало с лисенком только тогда, когда он чувствовал сырое мясо, а так он был совсем ручной.

Он у нас значительно вырос; у него уже были длинные ноги, а хвост стал пушистым-пушистым.

Но скоро наш бедный лисенок пропал совсем. Убежать сам он не мог. Он хорошо знал наш дом и жил у нас свободно.

Нам до сих пор жалко нашего лисенка.

В память о лисенке мы с Сережей и Алей решили, ребята, написать о нем.

В. Соколов, 10 лет

НЕПОСЛУШНЫЙ ТЯПА

Рано-рано утром в зоопарке проснулись все животные. Но маленький медвежонок Тяпа все спит. Он лентяй и спит всегда долго. Но вот проснулся и Тяпа. Сразу побежал к чашке, но там уже было пусто. Все съели его друзья.

Тяпа обидчиво опустил мордочку и направился к двери.

Что делать? Он знал, что дверь заперта и некуда податься.

Тяпа просунул лапу в решетку двери, тихонько нащупал крючок и приподнял его. Крючок щелкнул, и дверь открылась.

Вот так так! Тяпа с радостью выкатился из клетки. А ведь в парк скоро придут посетители! Но Тяпа забыл про это.

Он с радостью побежал на зеленую лужайку.

Что-то будет?..

Толя Киров, Москва.

А что было дальше? Придумайте сами и напишите в журнал. Так можно всем вместе написать интересный рассказ с приключениями.

Редакция.

*Рисовал. Полосков
25 шк. Сокол. Вирский*

МЕДВЕЖОНОК.

ПОПРОБУЙТЕ ОТГАДАТЬ

1. Растет голова без тела, в голове зубы.

Володя Кашурин, 9 лет, г. Ростов.

2. Огородник Федот с длинным носом живет. Как наклонишь — вода потечет.

*Нели Байзакова, 8 лет,
Узбекистан, совхоз Караул-Базар.*

РИСУНОК АНДРЮШИ ТРУСОВА

Посылаю вам свой рисунок. На нем изображена загадка. Кто догадается, что здесь нарисовано, тот и отгадает загадку.

Андрюша Трусов, г. Полоцк

*Уггорица Тина 41
11.11.57*

ЖУК

Вот ползет жучок усатый,
Сам он серый и горбатый.
Он ползет все вперед
И по-своему поет.

Вдруг он крыльями махнул,
И букашку он глотнул,
В воздух взвился в пять минут,

И — пустое место тут.

Юра Жданович, г. Минск.

КАК Я КАТАЛСЯ НА ВОДЯНЫХ САНЯХ

День был ясный. От солнца было трудно смотреть на снег. Мы сели на автомобиль и поехали к Москва-реке.

Там нас ждали водяные сани. Сани похожи на лодку. Сзади у саней был приделан аэроплан-ный мотор с пропеллером. Водяные сани сделаны из тексталита. Тексталит на солнце прозрачный, он крепче дерева.

Мы сели в водяные сани. Сани ехали по льду со скоростью 75 километров в час. По дороге все мелькало: люди, деревья, заборы. Во время крутых поворотов мы

не могли удержаться на месте. Сани взобрались на косогор и оттуда спустились совсем отвесно. Мы боялись вывалиться из саней.

Во время езды сани могут очень круто поворачивать и взбираться на холмы и небольшие горы. Сани могут крутиться на одном месте. Они очень полезны в Арктике, потому что они ездят по воде, по льду и по снегу, и там, где не сядет аэроплан, туда могут доехать сани.

Эти сани-вездеход изобрел инженер Курчевский.

Рема Ветров, 10 лет, г. Москва.

ЗНАЕШЬ ЛИ ТЫ,

Н. Плавильщиков

КАКОЙ СВИСТУН КОЛХОЗЫ ГРАБИТ?

Суслик.

Суслик. Небольшой зверек, с крысу величиной: Хвостик у него короткий. Сидит возле норки на задних лапках столбиком и смотрит. Человек ли идет, зверя ли заметит—засвистит и в норку. Зимой суслик спит в норке, весну и лето бегаёт и ест. Много ест суслик: съедает около шестнадцати килограммов корма. На гектаре иногда живет больше сотни сусликов. Сколько соберешь урожая с такого гектара?

У нас сусликов много в приуральских и приволжских степях. Раньше, при царе, мало с ними боролись. Теперь сусликов принялись уничтожать. В их норки пускают ядовитый газ, перед норками кладут отравленную приманку.

А ребята заливают норку суслика водой. Он терпит, терпит, а потом и выскочит; тут его и ловят. Всеми способами стараются уничтожить сусликов. В 1934 году сусликов травили на двадцати миллионах гектаров. Еще немного лет—и суслики не будут у нас отнимать урожай.

СКОЛЬКО СЪЕДАЮТ МЫШИНЫЕ ВНУКИ?

Полевка.

Полевая мышь—вроде домовая, только у нее темная полоска вдоль спины. На поле живут и полевки: вроде мыши, а хвостик короткий, не мышиный. Размножаются мыши и полевки очень быстро: одна пара полевок может дать за два года около четырнадцати тысяч детей и внуков. В сутки мышь съедает до двадцати граммов корма. В год она съедает в триста раз больше. А сколько съедят четырнадцать тысяч мышей?

Иной год столько мышей и полевок разведется, что они все поле объедают. Перебегают тогда они стаями на новые места. Столько мышей бежит, что земли не видно,—одни мыши кругом. Ястребы, орлы, совы, лисицы, хорьки, ласки, даже вороны—кто только ни ловит в эти дни мышей! А их словно и не убывает—столько развелось.

Теперь на полях с мышами идет война. В их норки кладут отравленные приманки. Недалеко то время, когда про „мышиную напасть“ можно будет прочесть только в старых книжках.

ЧТО ТАКОЕ САРАНЧОВАЯ ТУЧА?

Усики у саранчи короткие, а сама она покрупнее большого кузнечика. Живет саранча всего несколько месяцев. Взрослая саранча летает. Такая саранча собирается в стаи. Видели стаю, летевшую над морем... Это была страшная темная туча. Она затянула

Полевая мышь.

M2,191

СНЕЖНАЯ БАБА

А. Стобрацкий
Рисунки И. Горяева

Мы слепили возле дома
два огромных снежных кома,
а потом
с большим трудом
положили ком
на ком.
Прилепили руки-крюки
и метлу воткнули в руки,
кто-то уголья принес:
вот глаза, и рот, и нос.
— Вот и на голову шапка!
— Ну, спокойной ночи, бабка!
И осталась тут она
и одна
и холодна.
Баба снежная сначала
повздыхала,
поскучала,
а потом в полночный час
слезы хлынули из глаз.
Баба плакала, рыдала,
ниже, ниже приседала...
А когда через забор
солнце прыгнуло во двор,
баба пуше заревела,
потому что потеплело.
Вся слезами изошла
и на землю прилегла...
— С добрым утром, наша бабка!..
Глядь, а тут метла да шапка!

